

Глава 8

Матушка Лу взглянула на него.

— Ты всё решил? А ты, А-Янь, что думаешь?

Если бы всё было так, как Линь Янь предлагал ранее, он бы жил в их доме, но не женился на Лу Хэmine. Но раз уж речь зашла о свахе, значит, всё должно было быть официально.

Хотя они и выкупили юношу за два лян серебра, они не могли решать за него, не спросив его мнения.

Линь Янь послушно кивнул.

— Я слушаюсь старшего брата Лу.

Матушка Лу, видя, что они оба согласны, не стала больше ничего говорить.

— Тогда завтра я пойду и попрошу сваху Ван засвидетельствовать ваш союз.

Сказано — сделано, но на следующий день, ещё до рассвета, заморосил дождь. Линь Янь, закутавшись в одеяло, отрешённо смотрел в окно.

Это был его первый дождь в этом мире. Он знал, что после него в горах, наперегонки друг с другом, появятся дикие овощи.

«Как же хочется пойти погулять»

Непогода затянулась на несколько дней. Дороги в деревне размыло. Иногда можно было увидеть людей в соломенных плащах, идущих к полям. На горе кто-то посадил рапс, который вот-вот должен был зацвести, а осадки всё не прекращались.

Семья Лу тоже посадила немного. Хозяйка дома дважды ходила смотреть на посадки, но, к счастью, ливень был несильным и вреда не причинил. Впрочем, тут уж ничего не поделаешь.

Линь Янь хотел пойти в горы, как только небо прояснится, но сырость затянулась. Он уже полностью поправился и теперь, кроме как смотреть на капли за стеклом, занимался тем, что вместе с А-Мянем учился писать иероглифы у Лу Хэмина.

— О чём задумался? А-Мянь уже почти закончил.

Юноша взглянул на А-Мяня, который усердно выводил знаки, и мысленно подбодрил себя.

«Он, высокообразованный человек, не может уступить какому-то ребёнку!»

Но, присмотревшись, он понял, что мальчик просто выводил каракули. Лу Хэмин, конечно, тоже это заметил и с досадой стукнул младшего по голове.

— Переписывай!

— Почему?! — возмутился А-Мянь. Он начал учиться раньше, но гость уже знал больше и писал лучше.

Ребёнка за это часто ругали, и теперь он мог превзойти соперника только в скорости. Требование переписать вызвало у него бурю негодования.

Но, боясь сурового взгляда Далана, он послушно расстелил новый лист бумаги.

— Братец А-Янь, пиши скорее, я всё равно тебя обгоню, даже если начну заново!

Линь Янь, глядя на его милое упрямство, едва сдерживал смех.

Как раз в этот момент вернулась матушка Лу. А-Мянь, не успев даже обмакнуть кисть в тушь, выскользнул из комнаты, как вьюн. Снаружи тут же раздался голос матери:

— Куда ты выбежал? Промокнешь же, опять хочешь простудиться?!

Дождь шёл уже несколько дней, и она, беспокоясь, всё же отправилась к свахе Ван. Они всё обсудили, но свадьба — дело хлопотное, и это был только первый шаг. Торопиться было нельзя.

— Сваха Ван сказала, что придёт к нам, как только распогодится. Можете не волноваться.

Они и не волновались, но послушно кивнули, чтобы успокоить женщину.

Прошло ещё немного времени, и тучи наконец рассеялись. Солнце светило ярче, чем до непогоды.

— Далан, завтра пойдёшь в город, продашь это и купишь два цзиня мяса. Сделаем цзяоцзы с пастушьей сумкой.

Сегодня матушка Лу, увидев, что небо прояснилось, поспешила к третьему дяде-супругу. Они

договорились после завтрака пойти в горы. А-Мянь, просидевший дома несколько дней, не выдержал и увязался за ними.

Да что там ребёнок, Линь Янь и сам хотел пойти, но он ещё не закончил прописи и не мог капризничать и валяться на полу. Ему оставалось только провожать их взглядом.

Теперь, глядя на собранные ими свежие овощи и грибы, он сгорал от нетерпения. Ему очень хотелось побегать по лесу, он чуть не задохнулся от сидения взаперти.

— Пусть А-Янь пойдёт со мной, — сказал Лу Хэмин, заметив выражение его лица.

Как он и ожидал, глаза юноши заблестели. Не успел тот и слова сказать, как матушка Лу остудила его пыл.

— Зачем ему идти? Дорога грязная, идти тяжело... — Но, встретившись с его умоляющим взглядом, она не смогла отказать. — Ладно, ладно, иди. Проветришься.

Получив разрешение, Линь Янь так обрадовался, что готов был вприпрыжку бежать на кухню.

Матушка Лу рассмеялась.

— Совсем ребёнок!

Лу Хэмин, глядя ему вслед, тоже невольно улыбнулся.

Они рассортировали собранное и поставили в воду. Тут А-Мянь позвал мать, и та встала.

— Ты доделай остальное и отнеси в западную комнату. Пойду посмотрю, чего этот сорванец опять кричит!

Хоть А-Мянь и был гэ'эром, его баловали. Когда он был в настроении, он был само послушание, а когда нет — носился как обезьянка. Сегодня, набегавшись в горах, он вернулся весь в грязи и сейчас мылся один.

Из спальни доносился разговор матушки Лу и А-Мяня. Скорее всего, он забрызгал всё водой, женщина ругала его, а он капризничал.

Лу Хэмин закончил работу и встал посреди двора. Вдалеке догорали лучи заката, в доме — тепло родной крови, из кухни доносился треск огня...

«Вот он, дом. И этого достаточно!»

Последний луч заката погас. Лу Хэмин стоял у входа на кухню. Пламя из очага освещало лицо Линь Яня, делая его румяным. Он немного поправился, и родинка в уголке глаза то появлялась, то исчезала в отблесках огня.

Юноша уже почти выздоровел, но слабость ещё оставалась. Торопиться было некуда. Домашних дел было немного, и последние дни Линь Янь помогал хозяйке готовить.

Хотя днём солнце припекало, с его заходом во дворе становилось прохладно.

— Как насчёт гоцзы с дикими овощами сегодня?

Диких овощей сегодня было много. Не говоря уже о туне, одной только пастушьей сумки было предостаточно. Она уже начинала стареть, но после весеннего дождя появилось много молодых побегов.

Были ещё дикий лук, полынь, одуванчик. Матушка Лу заодно нарвала и немного цзюця с огорода. Были и немного земляных грибов — не так много, как зелени, но тоже немало.

Печь поставили во дворе. Вокруг красного гоцзы сидели люди. Перед каждым стояла миска с соусом из перца. Рядом лежали вымытые овощи и лапша, которую раскатал Линь Янь.

— Как же А-Янь вкусно готовит! Даже простая варёная зелень у него получается особенной.

Матушка Лу, как всегда, рассыпалась в похвалах. Линь Янь уже привык и только улыбался. Когда кому-то нравится твоя еда — это тоже счастье.

— Кстати, тётушка, я видел, шпинат уже стареет. Может, пора его убирать?

Шпинат был морозоустойчив, и, укрытый соломой, его можно было есть с зимы до весны. Но теперь, когда выросли другие овощи, ему пора было уступить место.

— Завтра ещё раз поедим, а потом уберём и посадим что-нибудь другое. Ты как раз завтра в город идёшь, можешь купить семян, каких захочешь.

— Хорошо.

Небо темнело. А-Мянь первым закончил есть. Старшая женщина тоже встала и пошла прогуляться. У печи остались только Линь Янь и Лу Хэмин. Юноша давно наелся, но, видя, с каким аппетитом ест собеседник, он радовался.

— Ты... — Лу Хэмину стало неловко под его взглядом. Он хотел что-то сказать, но тут снаружи

послышались шаги.

— Невестка Лу! Невестка Лу!

Это был голос третьего дяди Ли.

— Невестка Лу! Супруг моего сына рождает! А-Чжэнь послала меня за тобой! Скорее, пойдём ко мне!

Матушка Лу чуть не споткнулась, услышав крик.

— Как рождает? Ему же только восемь месяцев!

— Эх, ты сначала пойдёшь посмотреть! А-Чжэнь сама не своя от беспокойства.

Матушка Лу поспешила за ним, бормоча на ходу:

— А повитуху позвали? И Хромого Вана, его тоже позовите! Ох...

Линь Янь и Лу Хэмин остались сидеть. Подумав, Линь Янь понял, что у супруга сына третьего дяди Ли начались преждевременные роды.

Супруг сына... Значит, гэ'эр, такой же, как он, рождает ребёнка.

Линь Янь впервые по-настоящему осознал особенности своего тела.

«Ему тоже предстояло рожать»

Хотя в его прежнем мире технологии были развиты, и можно было иметь детей с помощью суррогатного материнства, он всё равно не мог с этим смириться.

Он с ужасом посмотрел на Лу Хэмина.

Тот встретил его взгляд и, почувствовав его страх, сказал:

— Не бойся. Не хочешь рожать — можешь не рожать.

Но это не успокоило юношу. Если уж женщины рожают, рискуя жизнью, то каково ему, с его строением тела? Риск, должно быть, ещё выше.

Почему-то он вдруг не смог вспомнить сюжет книги — ни о главном герое, ни об этом будущем Великом секретаре.

Линь Янь не мог принять этот удар.

«Почему? Неужели из-за его появления книжный мир рухнул? И сюжета больше нет? Он действительно стал Линь Янем? А что будет с Лу Хэмином? Сможет ли он выбраться из этой глуши?»

— А-Янь?

— Линь Янь! Что с тобой? Посмотри на меня! Линь Янь!

Лу Хэмин смотрел на его отсутствующее лицо, и у него в груди что-то оборвалось.

Он обнял его, и Линь Янь разрыдался.

— Лу Хэмин, я не могу вернуться... Я останусь здесь...

— Оставайся здесь. Никуда не уходи. Оставайся со мной. Будем вместе готовить, рубить дрова, работать в поле...

— Нет... Ты должен учиться, стать чиновником, уехать отсюда!

— Хорошо, хорошо, я буду усердно учиться.

Весенняя одежда была тонкой. Горячие слёзы пропитали ткань и согрели грудь Лу Хэмина. Сердце его билось в смятенном ритме.

Линь Янь плакал долго. С момента его появления здесь прошло почти полмесяца, и только сейчас он по-настоящему осознал, что останется здесь навсегда.

Выплакавшись, он успокоился и отстранился, смущённо глядя на мокрое пятно на чужой одежде.

— Прости, я испачкал.

— Ничего. Умойся и иди отдыхать. Мама, наверное, сегодня не вернётся.

Испокон веков роды у гэ'эров были трудными, иногда они длились по два-три дня.

Линь Янь умылся и вернулся в комнату. А-Мянь высунул голову из-за двери.

— Старший брат, братец А-Янь скучает по дому?

Лу Хэмин погладил его по голове.

— Наверное. Ты должен быть с ним поласковее.

— Вы поженитесь? Я хочу, чтобы братец А-Янь стал моим гэ'ме, тогда мы будем семьёй, и здесь будет его дом.

— Поженимся. Ладно, иди спать. Мама вернётся поздно.

— Гэ'ме Ли рождает? А вы с братцем А-Янем когда родите ребёнка? Я тоже хочу с малышом играть!

Лу Хэмин, вспомнив состояние Линь Яня, сказал:

— Маленьким не стоит задавать столько вопросов. Если боишься спать один, иди к братцу А-Яню.

— Я хочу спать с братцем А-Янем!

Линь Янь почти не спал всю ночь. Когда он проснулся, небо только начало светлеть. Он осторожно убрал руки и ноги А-Мяня, обхватившие его, оделся и вышел. На улице стоял густой туман. Лу Хэмин читал во дворе.

Увидев его, он удивился. Затем заметил тёмные круги у него под глазами.

— Сегодня так рано? Плохо спал?

— Тётушка ещё не вернулась?

— Ещё нет. Умывайся, пойдём в город.

У Линь Яня голова была чугунная.

— А как же А-Мянь?

— Ничего, оставим ему еду в котле, он сам поест.

Юноша решил приготовить простые лепёшки, которые можно было бы взять с собой в дорогу. Он замесил тесто, вымыл дикий лук, мелко нарезал его и добавил в массу, а затем, подумав, разбил туда яйцо.

Свиной семья Лу не держала — некому было за ними ухаживать. Зато на заднем дворе было с десяток кур, так что яиц хватало, иногда даже оставались на продажу.

Он разогрел сковороду, вылил на неё половник теста и ловко распределил его. Вскоре лепёшка стала золотистой. Линь Янь подождал, пока появится характерный аромат, а затем быстро перевернул её.

Он работал быстро, а Лу Хэмин хорошо поддерживал огонь. Вдвоём они быстро напекли несколько штук.

Линь Янь съел одну и одну взял с собой.

Лу Хэмин съел три и две взял с собой.

Они уже собирались выходить, как вошла матушка Лу.

— Вы уже уходите?

— Тётушка! Вы вернулись? Я приготовил лепёшки, они на кухне, идите скорее поешьте.

— Хорошо. Вы идите осторожнее. А-Янь слаб, Далан, иди помедленнее, не торопись. Ладно, идите уже.

Матушка Лу, проработав всю ночь, хотела только одного — спать. Она сразу направилась в свою комнату.

Линь Янь, спотыкаясь, шёл за Лу Хэмином. Когда они дошли до города, туман уже рассеялся. Сегодня тоже был солнечный день.

В городе был большой рынок с лавками. А для тех, кто приходил из деревни, был небольшой рынок за городом, где можно было разложить товар прямо на земле.

Город Янхэ был большим. Они долго искали свободное место.

— Устал? Выпей воды.

Линь Янь и правда очень устал. Он взял флягу и сделал большой глоток. Утолив жажду, он посмотрел на спутника.

— А ты себе взял?

Лу Хэмин, не отводя взгляда, посмотрел на него.

— Я взял только одну.

— Но я...

Не дав ему договорить, Лу Хэмин с непроницаемым лицом взял у него флягу, сделал глоток и так же невозмутимо сказал:

— Можно ведь и вместе пить, не так ли?

Линь Янь лишь промолчал.

«...Вот же зануда»

Свежие овощи продались быстро. Не прошло и часа, как они всё распродали. Линь Янь не знал цен и только собирал деньги.

Наблюдая за торговлей, он начал немного разбираться. То, что выращивали сами, стоило дешевле. Например, цзюцай продавался по одному вэню за пучок, а за пастушью сумку Лу Хэмин просил три вэня за небольшую горсть.

— Пойдём, нам нужно в книжную лавку.

Сегодняшней главной целью была покупка бумаги и туши. Лу Хэмин скоро должен был вернуться к учёбе, и всё нужно было приготовить.

— Хозяин, стопку бамбуковой бумаги и два ляна туши.

В книжной лавке было немногочисленно. Хозяин сидел за столом и читал.

— А, студент Лу! Давно ты ко мне не заглядывал!

— Было много дел по дому.

— Женился, что ли? С супругом пришёл! Какой красивый, очень тебе подходит!

Лу Хэмин не стал отрицать, а Линь Янь промолчал. Хозяин, улыбаясь, пошёл за товаром.

— Цена та же: стопка бамбуковой бумаги — тысяча пятьсот вэней, два лян туши — тысяча шестьсот вэней. Всего — три тысячи сто вэней.

Линь Янь был в шоке от таких цен. Деньги, вырученные за овощи, были у него в руках — всего несколько десятков вэней. На них не купишь и одного листа бумаги!

«Как же трудно учиться!»

Юноша смотрел на его спину и не мог представить, каких усилий стоило этому человеку дослужиться до поста Великого секретаря.

— А переписывать книги сейчас можно?

— Можно, конечно. Но это то, что ты уже переписывал. Будешь ещё раз? «Шишо», первая и вторая части. За каждую часть — тысяча вэней.

— Буду благодарен, хозяин.

Линь Янь скользнул взглядом по полкам с путевыми записками и по недочитанному хуабэню на столе хозяина, и в его голове зародилась одна мысль.

<http://bllate.org/book/15978/1442980>